

Современные войны: социальные причины и последствия

Современные войны: социально-экологическое измерение

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. сектором социально-экологических исследований Институт социологии РАН, Москва

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Современные войны: социально-экологическое измерение

Аннотация

В статье развиваются понятия современной войны и критической ситуации (в отличие от понятия социального конфликта), исследуются предпосылки их возникновения и возможные последствия. Особое внимание уделяется рынку как условию возникновения современных войн и критических ситуаций, международно-правовым, медийным и социально-экологическим факторам их формирования, а также проблеме материальных и человеческих «отходов» как рискогенного фактора. Идентифицированы следующие характеристики современных войн: риски, ими порождённые, охватывают в равной мере институциональные системы, инфраструктуру жизнеобеспечения, природные и социальные экосистемы и уклад жизни пострадавших; они имеют динамический, развивающийся характер; начинаясь с локальных конфликтов, могут приобретать характер военно-политического противостояния государств и их союзов (блоков); процессы социально-экологического метаболизма и порождаемые ими риски, генерируемые современными войнами, не имеют пространственно-временных границ; программируемые и регламентируемые СМИ – мощное оружие современных войн; современные войны бывают двух типов: внезапные всеразрушающие и порождающие длительное медленное умирание природных и социальных сообществ; образ жизни местного населения всецело зависит от неожиданных поворотов в течении современной войны. Всякая современная война и порождаемые ею критические ситуации являются источниками «энергии распада». Автор приходит к выводу, что современные войны являются не столько «неожиданными событиями», сколько кумулятивным эффектом долгой борьбы социальных акторов (отдельных государств и их союзов) за ресурсы и политическое доминирование. Поскольку у современных войн нет пространственно-временных границ, ключевым для социологов, является вопрос: кто, где и основываясь на каких информационных ресурсах способен «отслеживать» и фиксировать быстро изменяющуюся и многостороннюю действительность современных войн?

Ключевые слова: критическая ситуация, отходы, современная война, рынок, международное право, СМИ, социально-экологический метаболизм

Современные создатели боевиков о Великой Отечественной войне 1941–45 гг. («Фронт без линии фронта» или «Фронт без флангов») не подозревают, насколько эти названия соответствуют реалиям войны современной (СВ). Эти войны и создаваемые ими критические ситуации (КС) обычно называют гибридными или неконвенциональными событиями. Это объясняется тем, что они соединяют в себе политические, экономические, социальные, экологические, ресурсные, технологические, научные и другие факторы или силы. Причём действие этих сил может быть попеременным и разнонаправленным. СВ являются одновременно глобальными и локальными вооружёнными столкновениями и борьбой компроматов.

Актуальность проблемы СВ заключается в её нетрадиционном характере. Известна поговорка, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. СВ и порождаемые ими критические состояния (зоны бедствия) – это войны без начала и без конца. Конфликты и вооружённая борьба чередуются с перемириями, договорённостями – с их нарушением и взаимными обвинениями в их несоблюдении. Поэтому, опираясь на опыт множества современных больших и малых войн по всему миру (но, прежде всего, конечно, тех, что случились на постсоветском пространстве), представляется важным выделить некоторые новые общие черты, отличающие их от войн XX столетия. И связать их с процессами, происходящими в живой природе, которые сегодня также не те, что были 100–150 лет назад.

Общая характеристика современных войн

О специфике современных войн пишут много [Арбатов 2014; Гундаров 2014; Киршин 2014; Чекинов, Богданов 2013; Къеза 2006 и другие].

Основной социально-экологической характеристикой современных войн является отсутствие грани между миром и войной, разделения на фронт и тыл, на вооружённые силы и остальное население; а также отсутствие абсолютно безопасных мест: есть только более и менее безопасные. Фактически территория войны – это зона всеохватывающего риска, причём риска подвижного, мигрирующего. В условиях СВ происходит милитаризация общественного сознания и сжатие демократических институтов. Ни о какой системе взаимного согласования и принятия решений консенсусом [Кустарёв, 2007: 10] не может быть и речи – господствует силовой стиль и ручное управление. Если критическая ситуация затягивается на годы и десятилетия, она формирует столь же упрощённые, «директивные» социальный порядок и образ жизни. Формирование в ходе СВ всё более мощных военно-политических надгосударственных союзов и альянсов (НАТО, ЕС, ШОС) ведёт к ещё большему упрощению социального порядка.

Актуальность проблемы современной войны заключается в её нетрадиционном характере. Известна поговорка, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Современные войны и порождаемые ими критические состояния – это войны без начала и без конца.

Основной социально-экологической характеристикой современных войн является отсутствие грани между миром и войной, разделения на фронт и тыл, на вооружённые силы и остальное население; а также отсутствие абсолютно безопасных мест.

Критические ситуации стимулируют резкое ускорение научно-технического прогресса при одновременном замедлении прогресса социокультурного осмысления происходящего. Любая критическая ситуация и меры по её разрешению – барьер для развития демократических институтов и гуманитарной сферы в целом, хотя все они предпринимаются под лозунгом «установления демократии». Так или иначе, в периоды СВ рефлексия и сомнение «не в моде».

В социальной жизни происходит сдвиг от индивидуализации к её массивификации и унификации, рвётся тонкая ткань устоявшейся повседневной жизни. В мыслительных и вербальных структурах преобладают жёсткие оппозиционные конструкции: «жизнь или смерть», «сейчас или никогда», «бежать или оставаться», «пассивное подчинение обстоятельствам или вооружённое сопротивление» и т. п. Высока и амплитуда психологических состояний: покорность или гнев, сковывающий страх или гиперактивность «вопреки обстоятельствам» и т. д. [Шубкин, Иванова 2001]. Сквозное «просвечивание» общества и его институтов при помощи информационных технологий ведёт к утере «кокона основополагающего доверия» (Гидденс), т. е. к утере индивидуальности и столь же индивидуализированного её ближайшего окружения, уникальности собственного Я. Возникает феномен «одиноким толпы», т. е. скопления людей, управляемых другими (the other-directed) [Reisman et al 2001], но только в качественно иных, критических обстоятельствах. Это состояние может порождать массовое катастрофическое сознание, требующее длительной социально-психологической реабилитации [Шляпентох и др. 1999].

Возникновение в рассматриваемых обстоятельствах потоков беженцев и вынужденных переселенцев – также постоянный фактор упрощения социальной жизни критических зон, изменяющий не только их социальный порядок, но и структуру жизненного пространства. Социальная жизнь или предельно упрощается (уехал, убежал или остался) и одновременно жизнь в них хаотизируется, поскольку в критических обстоятельствах выбор стратегий поведения минимален, приходится действовать по принципу «или–или». Адаптация к катастрофам и критическим состояниям – чрезвычайно длительный и сложный процесс [Wilson 1988].

В конечном счёте, СВ – это, прежде всего, война за ресурсы (природные, людские, территориальные). Борьба за ресурсы, их разработка и транспортировка, необходимые для обеспечения жизнедеятельности населения, одновременно наносят вред природе и людям [Beck 1992, 1995, 1999, 2010]. Общий рост населения планеты, истощение старых источников природных ресурсов и разработка новых, общее увеличение территорий, непригодных для жизни (опустынивание, засоление, подтопление вследствие гидротехнических мероприятий,

наконец, потребность в увеличении жизненного пространства высокого качества) для богатейших слоёв населения – всё это увеличивает дефицит ресурсов, необходимых для производства и повседневной жизни [Къеза 2006].

Перечисленные выше характеристики вновь делают актуальным вопрос: что же сегодня происходит – усложнение общества или его упрощение, архаизация? Как полагает российский социолог С. Кравченко, а также многие западные социологи, сегодня происходит становление *сложного* общества [Кравченко 2012]. Однако, поскольку в условиях СВ господствует социально-конструктивный (директивный) подход к управлению государством и обществом, законы самоорганизации в природе и обществе не принимаются во внимание. В результате увеличиваются масштабы и территориальный охват противоположного процесса – *упрощения*. Человеческие сообщества и целые страны, находящиеся в критическом состоянии, не только «упрощаются», но и просто разваливаются, распадаются на наших глазах. Это неизбежно ведёт к снижению совокупного социального потенциала общества, уничтожению высокоценных участков природы, общему снижению биологического разнообразия на планете, что, в свою очередь, приводит к снижению устойчивости биосферы, увеличению риска возникновения экологических катастроф. В целом в условиях СВ складывается «мобилизационная», т. е. директивная социально-политическая структура общества. Внутри неё идут самые разные процессы реорганизации и самоорганизации – легальные и нелегальные. Однако ни те, ни другие не согласуются с законами динамики природных экосистем и биосферы в целом. Отсюда – снижение устойчивости геосферы как результат сокращения разнообразия природных и социальных систем. Сказанное не отрицает того факта, что сами СВ и КС могут быть чрезвычайно сложными [Keen 2009].

Было бы неверным утверждать, что СВ и КС имеют только негативный результат. Мобилизация сил и ресурсов на узком направлении всегда даёт краткосрочный положительный эффект. Так, ещё недавно на Украине планировалось введение «чрезвычайного энергетического положения», т. е. мобилизации всех доступных в настоящее время источников энергоресурсов плюс введения «чрезвычайного» режима их экономии. Такие меры действительно дают некоторый эффект, но без перехода экономики на мирные рельсы обойтись всё равно нельзя. Вспомним «тотальную мобилизацию всех железных вещей» эпохи заката немецкого фашизма.

Наконец, сегодня войну никто уже не объявляет. Напротив, все стараются опираться на принятые нормы международного права, однако каждая из противоборствующих сторон трактует их в своих интересах.

Поскольку в условиях современной войны господствует социально-конструктивный (директивный) подход к управлению государством и обществом, законы самоорганизации в природе и обществе не принимаются во внимание.

Понятие критической ситуации

СВ порождают критические ситуации. С моей точки зрения, критические ситуации являются не единственными, но всё же фокальными точками конфликтов и войн XXI столетия. Кризисы приходят и уходят (преодолеваются), а критические ситуации (точки, зоны) – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются. Их отличительный признак – выделение *энергии распада* в виде потоков беженцев, вынужденных переселенцев, разрушения важнейших систем жизнеобеспечения и т. д. Все эти процессы сопровождаются рискогенным социально-экологическим метаболизмом [Яницкий 2003, 2004, 2004a, 2004b; Wolman 1956, 1965; Boyden et al 1981; Mol 1995; Fisher-Kowalski 1997; Fisher-Kowalski and Haberl 2007]. И, может быть, самое главное в таких негативных трансформациях – неумолимое снижение устойчивости первичных экосоциальных систем, этой всеобщей основы постиндустриального мира [Yanitsky 2012]. В целом же происходит процесс утери общественными системами разного масштаба такого *конституирующего признака, как системность*, и их сползание к ситуации «управляемого хаоса» (И. Пригожин и И. Стенгерс). Хотя, с моей точки зрения, этот термин сегодня уже неадекватен: хаосом можно управлять лишь частично. Когда о каком-то явлении говорят, что это хаос, можно лишь полагать, что у них нет желания или возможностей вникать в хитросплетения социальных, технических и природных процессов в некоторой критической зоне. Проще сказать, что она – очередной «чёрный ящик». В действительности КС безнадежны в плане их реабилитации, но, как показывает мировая практика, если их и удаётся реабилитировать, то в конечном счёте это будут уже качественно иные типы социальных и природных экосистем. Закон социальной сукцессии или, как его называл П. Сорокин, отрицательной селекции, никто не отменял.

Этот тезис можно сформулировать и по-другому. С точки зрения концепции КС, современная война никогда не заканчивается возвращением в исходную точку. Если процесс разрушения (катастрофа) скоротечен, то процесс реабилитации разорённого ею сообщества чрезвычайно длителен, практически бесконечен и заканчивается *конструированием нового сообщества*. Собственно этим и объясняется стремление государства и бизнеса не восстанавливать разрушенное, а строить на «пустом месте» (начинать с чистого листа).

Это, в свою очередь, означает, что в ходе КС люди начинают меняться. В её начальной фазе происходит отток абorigенов и приток пришлых плюс активизация асоциальных

Кризисы приходят и уходят (преодолеваются), а критические ситуации – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются.

элементов (грабителей, мародёров, лиц с отклоняющимся поведением). В критической зоне появляются «чёрные гуси» (иностранцы наёмники) и волонтеры, неопознанные вооружённые формирования, гопники, «романтики» и т. д. Одни из них увеличивают свой социальный капитал, другие, напротив, его утрачивают. Одни общности распадаются, другие создаются. Но опять же это не хаос, а *иной тип* «сложного мира». Важно, что члены этих новых сообществ и движений по-новому относятся к окружающему их миру, принимая его как неизбежность (как судьбу), или, напротив, начинают с ним бороться, в том числе организуясь и вооружаясь. В итоге если человеческое поселение всё же выходит из КС, то его социальный и культурный статус оказывается качественно иным.

Рынок как фактор современной войны

Современный рынок (в широком смысле этого слова) идей, представлений, образов, товаров и ресурсов – это двуликий Янус. Он одновременно является стимулом экономического развития и одним из главных источников и моторов СВ. Расширяющийся рынок в условиях роста народонаселения, его потребностей и ограниченности мировых ресурсов – одна из ключевых предпосылок возникновения современных войн, которые по существу имеют сугубо геополитический характер. Как отмечал Нобелевский лауреат по экономике К. Эрроу, «рынок разрушает общество» (цит. по: [Кустарёв 2005: 113]). Растущий дефицит ресурсов, борьба за доступ к их новым источникам, потребность в дешёвой рабочей силе и новых рынках сбыта – ключевые факторы возникновения современных войн, за которыми обязательно следует геополитический передел мира. В современных условиях рынок всё более становится политическим инструментом и/или предметом политического торга. Так, например, сегодня Литва может получать сжиженный газ из ЕС или США. Он дорогой, но тогда Литва становится менее зависимой от России. Или же покупать более дешёвый российский газ, но в этом случае её зависимость от России увеличится.

Современные войны порождают рывок прогресса в военно-технической сфере на фоне общего снижения совокупного социального капитала общества и его отдельных поселений, взвинчивают недоверие, ведут к обнищанию большинства населения, появлению потоков беженцев и вынужденных переселенцев и увеличению объёмов производимого мусора, как обычного, так и высокорискогенного. Для ускорения разрешения кризиса на юго-востоке Украины предполагалось сокращение «никому не нужных» научных программ и концентрация усилий на производстве высокоточного оружия.

Современный рынок (в широком смысле этого слова) идей, представлений, образов, товаров и ресурсов одновременно является стимулом экономического развития и одним из главных источников и моторов современной войны.

Война – это всегда «чёрный рынок», начиная от продуктов и предметов первой необходимости и вплоть до военных секретов и стратегических материалов. Во время таких войн возникает множество новых, легальных и нелегальных рынков (торговля оружием, боеприпасами и военным снаряжением, лекарствами и перевязочными материалами, продуктами питания, неотложной медицинской помощью, в том числе средствами доставки раненых и пострадавших в медицинские учреждения, другими предметами и услугами, необходимыми в условиях боевых действий).

О медиарынке – особо

Информационные потоки, охватывающие сегодня весь мир, суть одновременно и благо, и бедствие. Или, иначе, эти процессы суть продукт двойного назначения. Без информации развитие невозможно, но она может быть использована для нанесения вреда соседу и даже глобальному мироустройству. В этом смысле информационные потоки и формируемые ими смыслы и представления суть всепроникающий риск.

В условиях современных войн не меньшее значение имеет медиарынок, поскольку определённым образом выстроенная и запрограммированная информация является не только мощным оружием, но и формой борьбы целенаправленно сконструированных образов «правильного мира», а также войны и критических ситуаций. Строго говоря, информационная война между двумя господствующими социальными системами никогда не прекращалась. Сегодня к ней прибавилась третья мощная информационная сила – исламский мир.

Но вернёмся на три четверти века назад. Знаменитая фултонская речь У. Черчилля ознаменовала начало холодной (т. е. по сути информационной) войны. Все утопические концепции меритократического общества, имевшие в своей основе идею высочайшего уровня владения знанием и информацией, не выдержали проверки временем. Шаг за шагом гуманистически ориентированная концепция «информационного общества» (информация и знание как безусловное благо) трансформировалась в инструмент информационной агрессии, навязывания образов «должного мироустройства» по американскому образцу, с которой была тесно связана доктрина силовой территориальной экспансии субъектов, несущих этот образ «городу и миру» («*orbi et urbi*»). Сегодня наши заокеанские контрагенты грозят российским властям всё новыми санкциями за возвращение Крыма в состав России. Но почему-то они забывают, что со своими партнёрами по ЕС они уже много лет разрабатывали модель «Большого Причерноморья», включавшую не только «дружеское вовлечение» в свою орбиту Крыма

Без информации развитие невозможно, но она может быть использована для нанесения вреда соседу и даже глобальному мироустройству. В этом смысле информационные потоки и формируемые ими смыслы суть всепроникающий риск.

и Кавказа, но и всех стран черноморского бассейна. И даже указывали, каким способом этот план может быть реализован: использованием «мягкой силы», т. е. сочетанием политического и экономического, а если нужно, то и прямого военного давления [Яницкий 2008]. Но и в отношении своих ближайших политических союзников американцы не гнушаются тотальным «информационным просвечиванием».

Кратко говоря, есть две основные формы силового информационного воздействия: переключение (или исключение, блокировка) информационных каналов и их перепрограммирование, т. е. именно навязывание нужного образа «должного мироустройства» своему противнику [Arsenalt and Castells 2008]. Форм же информационного воздействия на вероятного противника бесконечное множество. Это, в частности, борьба интерпретаций текущих событий и война компроматов, маскировка и дезинформация, диффамация, аресты и убийства корреспондентов, работающих в «горячих точках», закрытие каналов, дающих объективную информацию и т. д. Определённым образом препарированное историческое знание сегодня в особой цене у идеологов медиарынка. Таким образом, аргументы для современных информационных войн черпаются также и в далёком прошлом.

Ещё одна характерная черта этого рынка: отсутствие рядовых представителей гражданского общества. Там есть только «проверенные фигуры» – рупоры гигантов этого рынка, которые изо дня в день мелькают на телеэкранах.

Заметим, что экологические и техногенные катастрофы, их причины и следствия на этом рынке не анализируются, они используются только как информационный повод или для увеличения рейтинга власть предержащих, осуществляющих «ручное управление» процессами реабилитации критических зон. Так или иначе, медиарынок – это далеко не свободный рынок знаний, идей, представлений. Скорее, это основное оружие «холодной войны» и неременный элемент войны «горячей». Наконец, медиарынок – это своего рода самонаводящийся механизм. Чтобы расти, ему нужны сенсации (breaking news). И если он их не находит, то конструирует их самостоятельно. А какой отзвук находят эти конструкции (чаще всего «утки») в сердцах и мыслях людей, находящихся в критической ситуации, магнатов этого рынка не волнует. Им нужно сконструировать образ врага и навязать его миру, оставаясь при этом «белыми и пушистыми».

Наконец, ещё одно частное, но важное замечание. Все, кто сегодня имеют доступ к прямому эфиру, говорят на языках разных субкультур. Власть предпочитает «вещать» от имени народа, лидеры вооружённой оппозиции придерживаются «патриотической лексики» с сильным обертоном насилия, независимые журналисты используют космополитическую

лексику, спасатели говорят на «командирском» языке, местная власть – на бюрократическом или вообще молчит и т. д. Те же, кто оказался в эпицентре войны или смог вырваться из него, – на языке страха, гнева и боли. Дробление коммуникативного пространства, снижающее надежду на взаимопонимание, – ещё один признак СВ и КС.

Критическая ситуация и международное право

Сегодня нормы международного права, созданные после окончания Второй мировой войны, всё более вытесняются политическими сделками основных игроков на международной арене. Но поскольку состав этих игроков со временем меняется, то и «правовой баланс» тоже не стоит на месте. Так или иначе, эти краткосрочные (ситуативные) сделки оставляют после себя в лучшем случае «замороженные конфликты» а в худшем – пустыню, как это случилось в Афганистане, Ираке, Ливии и других странах.

Сегодня, как и ранее, на первый план выходит «право сильного», т. е. право изменять существующий миропорядок по лекалам одной или нескольких наиболее сильных мировых держав. Юристы, составляющие костяк надгосударственных организаций (ООН, ОБСЕ), всегда толкуют международное право в пользу сильного, не учитывая того вреда, который этот принцип наносит живым экосистемам и биосфере в целом, благодаря которой только и может существовать жизнь на Земле. Сама сущность прецедентного права, т. е. возведения ситуативного решения в закон или принцип международной политики, противоречит принципу всеобщей взаимозависимости как фундаментальному принципу существования биосферы.

Как отмечал Ф. Лукьянов (Особое мнение // Радио «Эхо Москвы», 04.07.2014), по сравнению с прошлой эпохой глобального противостояния двух сил (СССР–США), сегодня мир разделился на «преференциальные зоны». Это ещё более ухудшает общую экологическую ситуацию на планете, т. к. эти «зоны» определяются (назначаются) по политико-экономическим критериям, разрезающим каждый раз по-новому сложившиеся в течение многих веков природные и социальные экосистемы (лесные, береговые, полярные и т. д.). Поскольку, продолжает Лукьянов, ни один блок стран (и тем более отдельная страна) не в силах быть «международным полицейским» (т. е. регулятором глобального миропорядка), эти «преференциальные зоны» постоянно перекраиваются, подрывая тем самым несущую способность сложившихся экосистем, провоцируя дальнейшую деградацию геосферы и появление новых критических зон.

Сегодня нормы международного права, созданные после окончания Второй мировой войны, всё более вытесняются политическими сделками основных игроков на международной арене.

Сама сущность прецедентного права, т. е. возведения ситуативного решения в закон или принцип международной политики, противоречит принципу всеобщей взаимозависимости как фундаментальному принципу существования биосферы.

Никогда в истории ни одна страна (или их союз) своё «право сильного» никому добровольно не отдавала. Напротив, по известным причинам (рост народонаселения планеты, истощение старых источников и потребность в новых природных ресурсах) борьба главных мировых стейкхолдеров будет только усиливаться. Значит, в обозримом будущем «пространств, пригодных для жизни» на планете будет всё меньше, а мусора (отходов) от новых мест добычи полезных ископаемых, мигрирующего производства и военно-политических конфликтов – всё больше.

Ирония истории: интеграционные процессы в мире случаются, как правило, после глобальных потрясений (мировых войн, экологических или техногенных катастроф). Пока же мы наблюдаем дезинтеграционные процессы административно-политических систем, новые размежевания и устремления к автономии и/или независимости. Естественно, что эти субъекты международного права рассматривают геосферу только как ресурс или жизненное пространство, необходимое для себя. Вот такой вселенский эгоизм.

Чтобы снова запустить интеграционные процессы, говорят политики, надо начать с экономической интеграции (государств или их альянсов), потом (со временем!), может быть, подойти к интеграции политической. О соотношении этих планов с законами природы речи вообще не идёт. Пока мировое сообщество находится в состоянии «ни прочного мира – ни войны», поддержанием устойчивости биосферных процессов не занимаются никакие международные институты. А, как известно, ничегонеделание, т. е. тактика выжидания, только увеличивает риск деградации социально-экологических систем.

Сегодня противоборствующие стороны уповают на переговоры как на первую ступень деэскалации вооружённых конфликтов. На практике затяжка переговоров выгодна противоборствующим сторонам, однако она чрезвычайно негативно сказывается на мирном населении и состоянии природной среды. Пока идут переговоры (а ситуация на Украине показывает, что они могут тянуться месяцами), критическая ситуация имеет тенденцию к ухудшению: население страдает или бежит, системы жизнеобеспечения не восстанавливаются, начинаются голод, болезни и т. д. В иных случаях переговоры могут даже усилить военные действия: передышка может быть использована в интересах обеих воюющих сторон. Это ещё раз подтвердила ситуация на Украине: международные организации всё договаривались и договаривались, а украинская власть вела войну на уничтожение.

Но даже если удаётся о чём-то договориться, до разоружения и начала реабилитации – ещё очень далеко. Как отмечает академик А. Арбатов (Эхо Москвы, 23.06.2014), после прекращения огня необходимо разделение воюющих сторон,

гарантии для безопасности обеих сторон (кто их даёт?), введение международного миротворческого контингента, долгие (в несколько этапов) переговоры и лишь потом поэтапный отвод войск и их разоружение. Замечу, что все эти меры *предшествуют началу этапа реабилитации* человеческих поселений и природных систем.

Социально-экологический аспект

Человеческая история – это процесс бесконечного передела мира во всех его ипостасях: земной, водной, воздушной и т. д. [Thomas 1965]. СВ – это борьба за социально-политический и ресурсный передел современного мира. Среда обитания, природная, искусственная и социальная (территория войны) рассматривается противоборствующими сторонами одновременно как орудие борьбы и как ресурс в этом переделе мира. В частности целью геополитической войны является лишение противника доступных ему ресурсов и/или возможности маневрирования ими.

В условиях СВ среда обитания насыщается и перенасыщается инородными предметами и веществами, которые не могут быть со временем ею ассимилированы. В этом смысле СВ – это почти всегда постепенное превращение естественной среды обитания в искусственную, непригодную для жизни и требующую постоянного ухода и наблюдения. Более того, когда несущая способность среды превышена, она из поглотителя (нейтрализатора) вредных веществ может превратиться в их производителя. Так, среда обитания человека и биосфера в целом не смогли нейтрализовать риски, порождённые Чернобыльской катастрофой. Напротив, «саркофаг» и прилегающие к нему земли и по сей день являются потенциальными источниками рисков так же, как и Фукусима-1.

СВ – это также разрушение сложившихся годами (а иногда и веками) социально-биологических систем и замена их на искусственные, требующие постоянного поддержания человеком и притока энергии. В глобальном масштабе эти процессы влекут за собой снижение уровня экосистемности обществ (т. е. опять же снижение устойчивости этих обществ и рост потребности в ресурсах для поддержания их в рабочем состоянии).

Здесь есть один важный гносеологический момент. В условиях СВ знание о закономерностях поведения природных и созданных человеком систем *используется как экологическое или военно-политическое оружие* (угроза или разрушение систем водоснабжения, переброска части стока и/или загрязнение рек и водоёмов, имеющих важное стратегическое значение и т. д.). Более того, в условиях СВ происходит целенаправленное разрушение систем жизнеобеспечения мирного

В условиях современной войны среда обитания насыщается и перенасыщается инородными предметами и веществами, которые не могут быть со временем ею ассимилированы.

населения с максимизацией поражающего метаболического эффекта (например, разрушение или заражение источников питьевой воды), что также влечёт за собой снижение уровня экосистемности общественного организма, увеличение потоков беженцев, общее снижение социального и экологического капитала данного города или сообщества.

Принципиально важно: социально-экологический конфликт нельзя просто «остановить». Прекращение военных или иных разрушительных действий и даже начало реабилитации, скажем, некоторого человеческого поселения не означает прекращения деградации социально-экологических систем, поскольку эти процессы инерционны.

Общим итогом современных войн является: повсеместное и ускоренное сокращение пригодного для жизни людей пространства, замещение самоподдерживающихся экосистем искусственными, требующими со временем всё больше сил и ресурсов на их восстановление и поддержание и, в конечном счёте, – снижение устойчивости биосферы. Территории жизни всё более вытесняются зонами добычи ресурсов и инфраструктурами для их перекачки по всему миру. Можно предположить, что со временем практически вся поверхность Земли будет покрыта искусственными системами жизнеобеспечения, однако у этой перспективы есть предел: недостаток исходных ресурсов и, в первую очередь, солнечной энергии.

Отходы и мусор критических состояний

Избыточное производство мусора – норма рыночного производства и потребительской культуры, а утилизация мусора – вторичная культурная норма в рыночном (потребительском) обществе. Утилизация и/или вторичная переработка мусора всегда есть функция пары «затраты–выпуск», т. е. «затраты–прибыль». Используемое теоретиками современного общества понятие «риск» гораздо шире понятия «мусор». Но при этом всякий бесхозный мусор есть потенциальный риск.

Производственный и бытовой мусор – не только побочные продукты общественного производства, но *его необходимая и специфическая фаза*. Как и другие фазы этого производства, оно имеет свои специфические закономерности. Важнейшая из них заключается в том, что при завершении очередного цикла общественного производства мусор, вывезенный на свалки и полигоны, вследствие процессов социально-экологического метаболизма, продолжает жить собственной жизнью, оказывая не только обратное, обычно замедляющее воздействие на исходный производственный процесс, но изменяя среду обитания на многие сотни и даже тысячи километров от «точки» его производства. Более того, такие формы производства «мусора»,

Прекращение военных или иных разрушительных действий и даже начало реабилитации некоторого поселения не означает прекращения деградации социально-экологических систем, поскольку эти процессы инерционны.

как извержение вулканов или техногенные катастрофы, могут оказывать негативное воздействие на состояние биосферы в целом.

СВ – мощные производители мусора (wastes) и мёртвых зон (dead areas). Причём это почти всегда рискогенный мусор: необезвреженные минные поля, разрушенные системы жизнеобеспечения, сожжённые леса и другие экосистемы. Любой вид мусора не стабилен, не локализован. Вследствие процессов природного, химического и социального метаболизма *мусор или его производные постоянно мигрируют*, иногда ассимилируясь средой, а иногда, напротив, порождают новые высоко рискогенные химические соединения. В некоторых случаях вовремя не убранный (не утилизированный) мусор имеет способность к расширенному само-воспроизводству. Например, сгоревший, но вовремя не убранный лес производит вредителей, поражающих не тронутые пожаром леса и т. д. Но широко распространены также и «мирные» мусорные войны. Перенос загрязняющих среду предприятий из развитых стран в развивающиеся с целью увеличения нормы прибыли является наиболее типичным примером такой «мусорной войны». Далее, создание газотранспортных сетей и их хабов приводит к неизбежному разрушению природных экосистем, не говоря уже о той угрозе, которую представляют аварии на этих сетях, сегодня опутывающих весь мир.

В критических ситуациях производство мусора резко возрастает вследствие разрушения зданий, сооружений и технических инфраструктур, дезорганизации социальной жизни, разрушения специальных служб уборки и утилизации мусора. Количество и характер бытового мусора – важный индикатор социального благополучия. Причём часть бытового и производственного мусора используется при создании разного рода оборонительных (защитных) сооружений (блокпостов, завалов и т. д.). Более того, в подобных ситуациях «мусор» становится товаром (приобретает рыночную стоимость) как для бедных, бомжей и других обнищавших групп населения, так и для противоборствующих сторон (похищение и продажа оружия, радиоактивных и других поражающих, т. е. высоко рискогенных веществ).

Местные жители, состояние их умов и психики

О них политики и журналисты, как правило, забывают. Скучная материя. Куда интереснее и престижнее писать о глобальных силах современных войн и «мировой закулисе». Забывают или не интересуются, потому что понимают: борьба идёт не за благополучие и умы этих «местных», а за *политическое влияние, территорию и ресурсы* сильных мира сего.

Современные войны – мощные производители мусора и мёртвых зон. И это почти всегда рискогенный мусор: необезвреженные минные поля, разрушенные системы жизнеобеспечения, сожжённые леса и другие экосистемы.

В современной войне борьба идёт не за благополучие и умы местных жителей, а за политическое влияние, территорию и ресурсы сильных мира сего.

Сейчас завести несколько сот тысяч мигрантов из любой точки планеты – не проблема. Тем более что отряды наёмников, «частные батальоны» или «неопознанные вооружённые формирования» – они ведь тоже не местные, они – пришлые, вахтовики, только с оружием. Но, в конце концов, значительная часть и местных, и пришлых превращается в «лишних людей», дезадаптантов [Яницкий 2004; Вауан 2004].

Местные – по преимуществу, обыватели. В этом слове нет никакого укора. Просто это люди индустриальной (и доиндустриальной) эпохи, жившие всегда тяжёлым физическим трудом пополам с хронической безработицей, обременённые безденежьем, болезнями, хроническим недоеданием. С большими семьями и нищенскими пенсиями, а то и вообще без них. Что же удивительного в том, что местные из Донбасса, Египта или стран Северной Африки хотели бы жить, как в России или на юге Европы?

Да, если взять Донбасс, то поначалу самопровозглашённая власть их обнадёжила и многие (в основном 35–45-летние) встали на защиту этой власти и своего дома, посёлка, города. Но когда против обывателей началась настоящая война киевской власти, война с человеческими жертвами и разрушениями их жилищ (о мародёрстве и грабежах я уже не говорю), а новая власть отступила, первоначальная эйфория рядовых граждан сменилась сначала страхом, а потом оцепенением. Тем более что и уйти поначалу было некуда: «официального безопасного коридора для беженцев и гуманитарных грузов между Россией и мятежными регионами Украины не появилось до сих пор» [Бурская 2014: 4]. Хотя уже случились три волны украинских беженцев в Россию, долгое время они оседали, главным образом, в приграничных районах. И при первой возможности стремились вернуться домой: кто пенсию получить, кто огород полить, свиней накормить и т. д. [Макаренко 2014: 2]. До последнего эти люди будут держаться за свой дом и хозяйство, за свою «малую родину».

Но далеко не все местные жители стремились уехать и, тем более, присоединяться к ополченцам. «До тех пор, пока народу платят здесь зарплату, и пока они не пострадают лично, то исправно будут ходить на работу, спокойно жить, ни о чём не беспокоиться и наблюдать за происходящим со стороны». Психологически это было оцепенение, «люди были как бы в футлярах», как сказал один волонтер [Боброва 2014: 4]. Замечу, что волонтеры более надёжны в своих оценках, чем журналисты. Но всё же истинную картину случившегося можно будет составить много позже, и основными информантами будут именно местные. Тем более что современная техника (смартфоны) позволяет фиксировать то, что не могут сделать ни журналисты, ни тем более официальные лица.

Правозащитники опять утверждают, что «эти люди должны быть услышаны. Гибель гражданского населения требует тщательного и объективного расследования со стороны властей Украины» [Локшина 2014: 5]. Но это произойдёт когда-то потом, если вообще произойдёт. Тем более кто-то за это время уедет, эмигрирует, умрёт. А люди и их жилища гибнут здесь и сейчас. На место упавшего малазийского Boeing'a сбежался чуть ли не весь мир. Но за время артиллерийских и авиаударов армии Украины по мятежным регионам погибло или было изувечено на порядок больше людей. И никакие международные организации эти жертвы не собирают и не «документируют», даже правозащитники. Вот это – *критический разрыв* между трагическим настоящим и спекулятивным политическим будущим. Я бы назвал таких правозащитников новым и быстро растущим отрядом международной бюрократии. Кто, когда и по каким источникам будет документировать эту быстро меняющуюся и многоаспектную критическую ситуацию? – вот ключевой вопрос для нас, социологов.

Выводы

Современные войны и порождаемые ими критические состояния не имеют ни территориальных, ни временных границ. Более того, эти состояния имеют тенденцию к расползанию по всему миру. Как сказал один «ополченец» из воюющего юго-востока Украины: «Если я не могу сбить пикирующий на мой дом самолёт, то я могу взорвать бомбу во Львове или Киеве». Важнее другое: критические состояния разного происхождения и масштаба «производят» контингент милитаризованных людей, готовых воевать не только за свой дом, но и в любой точке земного шара, что, в свою очередь, порождает потребность в частных институтах рекрутинга и обучения таких людей. Конкретные причины здесь разные: безработица, отсутствие гражданской специальности, этические и религиозные мотивы и просто тип характера. Но есть одна фундаментальная причина, она же и проблема: *современный мир перенасыщен оружием и его носителями*. А оружие – неизменный атрибут насилия, легитимного и нелегитимного. И акторами этого насилия всё чаще являются субъекты не государственной, но частной власти (читай: частного капитала). Три батальона, принадлежащие одному из украинских олигархов и до недавнего времени воевавшие на юго-востоке Украины, лишь единичный тому пример. По некоторым сведениям, национальная гвардия Украины – это фактически частная армия, которая далеко не всегда согласует свои действия с центральным правительством. Общая закономерность состоит, на мой

Общая закономерность состоит в том, что в наше мирное, казалось бы, время растёт число людей и социальных групп, склонных решать все жизненные проблемы насилием. Это уже «другие люди». Грань между критической ситуацией и вооружённым столкновением, между социальной нормой и социальной патологией становится всё более условной.

взгляд, в том, что в наше мирное, казалось бы, время растёт число людей и социальных групп, склонных решать все жизненные проблемы насилем. Это уже «другие люди». Грань между критической ситуацией и вооружённым столкновением, между социальной нормой и социальной патологией становится всё более условной. И это очень опасный тренд.

Сиюминутные политические цели не оправдывают человеческих жертв, нарушения социального порядка и расточительства невозможных ресурсов. Казалось бы, только глобальное потрясение может привести к пересмотру системы ценностей современного мира и установлению (на какое-то время!) мира и согласия. Однако ни опыт двух мировых войн, ни глобальные экологические катастрофы (Бхопал, Чернобыль, Фукусима-1) не привели к пересмотру фундаментальных ценностей, лежащих в основе экономики и политики современного капитализма. Столь же бессильными оказались рекомендации международных саммитов (Стокгольм, Рио, Рио+10). Человечество, как и сто, и тысячу лет назад, продолжает вести себя как биологический вид.

В краткосрочной перспективе оказывается экономически эффективнее и политически выгоднее заниматься в очередной раз ликвидацией «последствий» экологических или техногенных катастроф, нежели пытаться создать всеобъемлющую систему международного социально-экологического права (провал самой идеи Киотского протокола – лучшее тому подтверждение). Не говоря уже о том, что не существует прецедентного экологического права, подобного политическому. Всеобъемлющий и всепроникающий риск глобальной капиталистической системы должен иметь столь же всеобъемлющее и действенное правовое «противоядие».

Библиографический список

Арбатов А. 2014. Ядерный потолок // Военно-промышленный курьер. № 26 (544). С. 1, 4, 5.

Боброва И. 2014. Война глазами волонтера // Московский комсомолец. 09.07. С. 1, 4.

Бурская З. 2014. За что? // Новая Газета. 09.07.С. 4.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. Шляпентоха В. Э., Шубкина В. Н., Ядова В. А. М.: Моск. общественный научный фонд, 1999. 119 с.

Киршин Ю. 2014. Армейская интеграция // Независимое военное обозрение. № 24 (813). 18–24.07. С. 10–11.

Кравченко С. А. 2012. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО «Университет». 306 с.

Кустарёв А. 2005. Рецензия на книгу: Ясин Е. Приживётся ли демократия в России? // Pro et contra. № 2 (24) С. 108–116.

Кустарёв А. Кем и как управляется мир // Pro et contra. 2007. № 6 (39). С. 6–19.

Къеза Дж. 2006. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо. 320 с.

Локшина Т. 2014. Нами документированы жертвы среди гражданского населения и значительные разрушения // Новая Газета. 09.07. С. 5.

Макаренко В. 2014. Откуда прилетел «Град»? // Новая Газета. 18.07. С. 2.

Чекинов С. Г., Богданов С. А. 2013. О характере и содержании войны нового поколения // Военная мысль. № 10. С. 13–24.

Шубкин В. Н., Иванова В. А. 2001. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В. Ядова. М.: КАНОН-Пресс. С. 348–358.

Яницкий О. Н. 2003. Социология риска. М.: LVS. 192 с.

Яницкий О. Н. 2004. Модерн и его отходы. // Социологический журнал. № 1/2. С. 199–205.

Яницкий О. Н. 2004а. Риск-солидарности: российская версия // Интер. № 2–3. С. 52–62.

Яницкий О. 2004b. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–15.

Яницкий О. Н. 2008. Европейские лидеры о долгосрочной перспективе Европейского Союза // Мир и политика. № 11. С. 41–52.

Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. International Sociology 23(4). P. 488–513.

Bauman Z. 2004. Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press. 140 p.

Beck U. 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE. 260 p.

Beck U. 1995. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society. New Jersey: Humanities Press. 159 p.

Beck U. 1999. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 184 p.

Beck U. 2010. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Boyden S., Millar S., Newcombe K., O'Neill B. 1981. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong.* Canberra: Australian National University Press. 437 p.

Fisher-Kowalski M. 1997. *Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star* // Redklift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology.* Northampton, MA: Edward Elgar. P. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. 2007. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use.* Vienna: Klagenfurt University. 384 p.

Keen D. 2008. *Complex Emergences.* Cambridge: Polity. 296 p.

Reisman D., Glaser N., Reuel D. 2001. *The lonely crowd: a study of the changing American character.* Yale: Yale University Press (reprint). 378 p.

Mol A. P. J. 1995. *The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry.* Utrecht: Van Arkel. 452 p.

Thomas W. I. (ed.). 1965. *Man's Role in Changing the Face of the Earth,* Chicago: University of Chicago Press. 320 p.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. 1988. *Human adaptation to extreme stress. From the Holocaust to Vietnam.* N.Y. and London: Plenum Press. 387 p.

Wolman A. 1956. *Disposal of Man's Wastes* // W. L. Thomas (ed.) *Man's Role in Changing the Face of the Earth,* Chicago: University of Chicago Press. P. 178–193.

Wolman A. 1965. *The Metabolism of the Cities,* *Scientific American.* № 213 (3). P. 178–93.

Yanitsky O. 1982. *Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice.* *International Social Science Journal.* Vol. XXXIV. № 3. P. 469–480.

Yanitsky O. 2012. *A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing.* *Social Analysis.* Vol. 2. No 2. P. 7–24.

Modern Wars: The Socio-ecological Dimension

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Professor, chief of the Department of socio-ecological researches, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. In contrast to the concept of a social conflict, the notions of a modern war (MW) and critical situation are still insufficiently investigated. The main topics of the article are the general characteristics of modern wars and critical situations, the role of market, international legal institutions, and media and socio-ecological factors on the emergence and development of MWs. It also addresses the problem of material and human wastes as risky forces that diminish the portion of the planet suitable for life. The following features of the above phenomena have been identified.

First, risks engendered by MWs equally affect the institutional system of a society, ways of life, and natural and man-made ecosystems. Second, every MW has a dynamic character: in the course of its development some actors involved lose their power and others gain more strength. As a rule, starting as a local/intra-state conflict, the MW gradually acquires an international character. Third, the processes of socio-ecological metabolism generated by MWs have no definite space-time limits. Fourth, the programmed media-market is a mighty weapon of MWs. Fifth, there are two types of MWs: a sharp overall destruction of natural and human communities and their long-term 'peaceful' extinction, which is risky as well. Sixth, the behaviour of the local population is totally dependent on the swings of MWs in the given area. The author came to the conclusion that the majority of MWs are not 'unintended events', but present the cumulative effects of a long chain of everyday struggle of social actors for resources and political domination. In sum, MWs and critical situations they generate have no space-time limits. Then, by whom, when and based on which informational sources will this rapidly changing and multisided critical situation be fixed? – that is the question for us as sociologists.

Keywords: critical situation, international legal institutions, market, media, modern war, risk, socio-ecological metabolism, wastes

References

Arbatov A. Jaderny potolok [Nuclear Flow]. *Voenno-promyshlenny kur'er*, 2014, No. 26 (544), pp. 1, 4, 5.

Arsenalt A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics – *International Sociology*, 2008, No. 23(4), pp. 488–513.

Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK, Polity Press, 2004. 140 p.

Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London, SAGE, 1992. 260 p.

Beck U. *Ecological Enlightenment. Essays on the Politics in the Risk Society*. New Jersey, Humanities Press. 1995. 159 p.

Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA, Polity Press, 1999. 184 p.

Beck U. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA World Congress of Sociology, 11–17 July, 2010. Gothenburg, Sweden.

Bobrova I. Voyna glazami voluntiora [War through the Eyes of a Volunteer] – *Moskovsky komsomoletz*, 2014, 09.07, pp. 1, 4.

Boyden S., Millar S., Newcombe K., O'Neill B. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong*. Canberra, Australian National University Press, 1981. 437 p.

Burskaja Z. Za chto? [For What Reason?] – *Novaja Gazeta*, 2014, 09.07. P. 4.

Chekinov S. G., Bogdanov S. A. O haraktere i sodержanii voyny novogo pokolenija [The Nature and Content of the New Generation of War] – *Voennaja mysl'*. 2013, No. 10, pp. 13–24.

Chiesa J. Voyna imperiy: Vostok – Zapad. Razdel sfer vlijanija [War of Empires: East – West. Spheres of Influence]. Moscow, Exmo, 2006. 320 p.

Fisher-Kowalski M. Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star. Redclift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology*. Northampton, MA: Edward Elgar. 1997, pp. 119–137.

Fisher-Kowalski M., Haberl H. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna, Klagenfurt University, 2007. 384 p.

Katastroficheskoe soznanie v sovremennom mire v konce XX veka (po materialam mezhdunarodnyh issledovaniy) [Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late XX Century (on Results of International Research)]. Ed. by V. E. Shliapentokh, V. N. Shubkin, V. A. Yadov. M.: Mosk. obshhestvenny nauchny fond, 1999. 119 p.

Keen D. *Complex Emergences*. Cambridge, Polity, 2008. 296 p.

- Kirshin Y. Armejskaja integracija [The American Integration] – *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 2014, No. 24 (813), pp. 10–11.
- Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshhestva: k obosnovaniju gumanisticheskoy teorii slozhnosti [Formation of a Complex Society: to the Justification of the Humanistic Theory of Complexity]. Moscow, MGIMO “Universitet”, 2012. 306 p.
- Kustariov A. Recence on the book: Yassin E. Prizhiviotsia li demokratija v Rossii? [Will a Democracy Survive?] – *Pro et contra*, 2005, No. 2 (24), pp. 108–116.
- Kustariov A. Kem i kak upravliaetsia mir [Who and How is Managing the World] – *Pro et contra*, 2007, No. 6 (39), pp. 6–19.
- Lokshina T. Nami dokumentirovany zhertvy sredi grazhdanskogo naselenija i znachitel'nye razrushenija [We have Documented Civilian Casualties and Considerable Damage] – *Novaja Gazeta*, 2014, 09.07, p. 5.
- Makarenko V. Otkuda priletel «Grad»? [Whence Came “Grad”?] – *Novaja Gazeta*, 2014, 18.07, p. 2.
- Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry. Utrecht, Van Arkel, 1995. 452 p.
- Reisman D., Glaser N., Reuel D. The lonely crowd: a study of the changing American character. Yale, Yale University Press (reprint), 2001. 378 p.
- Shubkin V. N., Ivanova V. A. Strahi, trevogi, sposobnost' protivostojat' im [Fears, Anxieties, the Ability to Resist Them]. Rossiya: transformirujuschaiasia obschestvo. Pod. red. V. Yadova. Moscow, KANON-Press, 2001, pp. 348–358.
- Thomas W. I. (ed.). Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, University of Chicago Press, 1965. 320 p.
- Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam. New York and London, Plenum Press, 1988. 387 p.
- Wolman A. Disposal of Man's Wastes. W. L. Thomas (ed.) Man's Role in Changing the Face of the Earth. Chicago, University of Chicago Press, 1956, pp. 178–193.
- Wolman A. The Metabolism of the Cities – *Scientific American*, 1965, No. 213 (3), pp. 178–93.
- Yanitsky O. N. Sociologija riska [Sociology of Risk]. Moscow, LVS, 2003. 192 p.
- Yanitsky O. N. Modern i ego othody [Modernity and its Wastes] – *Sotziologicheskij zhurnal*, 2004, No. 1–2, pp. 199–205.
- Yanitsky O. N. Risk-solidarnosti: rossiyskaja versija [Risk-solidarity: Russian Version] – *Inter*, 2004, No. 2–3, pp. 52–62.
- Yanitsky O. N. Rossiya kak obschestvo riska: metodologija analiza i kontury koncepcii [Russia as a Risk-society: Methodology of Analysis and Outlines of the Concept] – *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, No. 2, pp. 5–15.
- Yanitsky O. N. Evropeyskie lidery o dolgosrochnoy perspektive Evropeyskogo Sojuza [European Leaders on Long-term Perspectives of European Union] – *Mir i politika*, 2008, No. 11, pp. 41–52.
- Yanitsky O. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice – *International Social Science Journal*, 1982, Vol. XXXIV, No. 3, pp. 469–480.
- Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing – *Social Analysis*, 2012, Vol. 2, No. 2, pp. 7–24.